

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск факсимильного издания «Сатирические журналы 1905–1907 гг. из фондов Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси» продолжает раскрывать состав редкой коллекции сатирической периодики в фондах ЦНБ НАН Беларуси. Он содержит 15 наименований журналов, расположенных в алфавитном порядке от «З» до «П».

Представлены как популярные журналы («Зритель», «Пулемет», «Маски»), так и те, которые вышли всего одним-двумя номерами и сразу были закрыты цензурой («Клюв», «Митинг», «Нагаечка», «Петрушка»). Некоторые из сатирических изданий сохранились в единичных экземплярах и являются библиографической редкостью, в частности «Нагаечка».

Застрельщиком политической боевой сатиры выступил сатирический журнал «Зритель», вышедший в Петербурге с 5 июня 1905 г. Издавал его Юрий Константинович Арцыбушев (1877–1952). 15 декабря 1904 г. он в установленном порядке обратился с ходатайством о разрешении издавать журнал с дозволения предварительной цензуры. «Главная цель журнала, – писал Арцыбушев, – дать возможность художникам, интересующимся печатным делом, работать в этой области»¹. В представленной Ю. К. Арцыбушевым Петербургскому Цензурному комитету программе журнала, как бы между прочим, присутствовала рубрика «Карикатуры». Комитет дал свое согласие на его выход, но с «условием исключения из художественного отдела (пункт № 2) проектируемой программы слова «карикатуры»².

Сотрудничать в журнале согласились известные и молодые литераторы. В их числе были поэты Н. Фалеев, Н. Фольбаум, В. Зоргенфрей, Ф. Сологуб, А. Рославлев, В. Лихачев, Саша Черный (А. Гликберг), Я. Годин, Б. Гейер, С. Полферов, М. Пустынин, В. Башкин, Л. Андрусон, Б. Успенский, А. Коринфский, Д. Цензор, А. Чапыгин и др. Близкое участие в журнале при-

нимали художники В. Замирайло, Г. Гинц, Л. Евреинов, А. Кудинов, Д. Митрохин, Е. Лансере, Н. Шестопалов, С. Чехонин (возглавил редакцию после Ю. Арцыбушева). В состав редакции «Зрителя», помимо Ю. К. Арцыбушева, подписывавшего номера в качестве ответственного редактора-издателя, входили Г. Гинц, И. Каган и Н. Фалеев.

«Зритель» был разрешен цензурой как иллюстрированный юмористический журнал с четырьмя отделами: литературным, художественным, хроникой и объявлениями. Предполагалось выпускать от 25 до 52 номеров журнала в год. С формальной точки зрения утвержденная программа не оставляла места для политической сатиры. Но редакция хорошо знала, чего хочет, и проявила неистощимую изобретательность в достижении своих целей.

Появление «Зрителя» в том виде, в котором он стал выходить, для цензуры было неожиданным и дерзким. Для Ю. К. Арцыбушева это была настоящая, упорная, почти целый год длившаяся борьба с цензурой в лице статского советника Е. С. Савенкова, который в начале мая стал постоянным цензором журнала. «Журнал “Зритель”, – писал цензор, – разрешен с программой чрезвычайно скромной... Казалось, при этой программе журнал будет преследовать цели литературно-художественные...» Когда же Цензурному комитету были представлены рисунки для первого номера, стало ясно, что «журнал имеет задачи политические и при том в направлении не только вредном, но и гнусном»³. Для первого номера журнала редакция предоставила в Комитет комплект рисунков, один из которых был отмечен в комментариях цензора: «Толпа с дрекольем⁴, где нет ни одной древнерусской физиономии, но многие похожи на теперешних наших агитаторов...»⁵ На обложке первого номера был изображен человек в темнице, смотрящий в окно, где видна загорающаяся красная заря. Явно провокационный рисунок вызвал

недовольство одного из высших правительственных чиновников Д. Ф. Трепова⁶.

Строго подчиняясь требованиям цензуры, Арцыбушев представлял на просмотр все рисунки. Когда ему запрещали одни, он заменял их другими. Иногда его «художественная смекалка» помогала обойти «вето» цензора, и желаемый рисунок попадал в номер. Так, в рисунке (заставке) к первому номеру журнала изображены женские и мужские ноги до щиколотки, то есть бегущая толпа. В следующем рисунке (заставке) также изображены ноги – сапоги жандармов, куда-то бегущие. Никакой крамолы цензор не увидел в этих рисунках и распорядился отдать их в печать. В вышедшем номере «Зрителя» на развороте листа обе заставки были размещены рядом. В результате предстала картина недавнего ареста демонстрантов.

Своей изобретательностью Ю. К. Арцыбушев доводил цензоров до бешенства, словом, «карикатуристы любили дразнить цензоров, как опытные пикадоры разъяренного быка»⁷.

В каждом номере помещались новости из правительственных изданий (например, «Правительственного Вестника»), хроника (под заголовком «Неделя Зрителя»). Из содержания первого номера «Зрителя», вышедшего 5 июня 1905 г., был убран «весь отдел хроники, так как хотя в ней и не было рассуждений и все взято из агентских телеграмм из “Правительств. Вестника”, но взято было только то, что могло поддерживать то направление, которым охвачена неблагонадежная часть читающей публики, т. е. забастовки, аграрные беспорядки и убийства и покушения на чинов полиции»⁸. У цензуры сразу же создалось твердое убеждение, что в этом журнале весь материал с подтекстом. Цензор очень точно охарактеризовал вкратце его содержание: «...произведения небольшие, странички в две или три, многие же содержат всего несколько строк. Огромное большинство их символическое; ни одно не имеет развитой фабулы... Весь смысл их в символах, эпитетах, в недосказанности, игре слов, в многоточиях, междометиях и восклицаниях»⁹.

По характеристике Цензурного комитета, «Зритель» значительно отличался от других карикатурных журналов, в которых также присутствовали шутки на политические темы, но они сводились, в основном, к высмеиванию общечеловеческих слабостей и эротическим

шуткам более или менее скабрёзного свойства. В «Зрителе», считали цензоры, сплошной антиправительственный материал, из-за чего часто весь номер журнала был запрещен.

Успех, который сразу же завоевал новый журнал, был очевиден. Первый номер «Зрителя» полностью разошелся в день его появления. Были даже проданы тюки с экземплярами первого номера журнала, которые должны были отправить в Москву и провинцию.

Значение и сила «Зрителя» состояла в его «монолитности», в том, что в публикациях журнала не было ничего случайного, лишнего. Каждая его строчка, каждый рисунок был тесно связан со всем остальным материалом и не только материалом отдельного номера.

Как и следовало ожидать, цензура журнал закрыла. В обвинительном докладе министра внутренних дел А. Г. Булыгина¹⁰ Сенату было сказано: «Напечатанный материал хотел выставить действия правительства и его органов... в гнусном и смешном свете, призывая в то же время, во имя человеческой гордости, достоинства и свободолюбия, к разрыву уз долга, к беспощадному разрушению устоев государственного строя и к оплеванию всего, что составляет политическую и церковную святыню русского народа»¹¹.

Однако происшедшая вскоре знаменитая всеобщая забастовка повлияла не только на судьбу журнала, но и на судьбу народа. Царь, опасаясь дальнейших негативных последствий, 17 октября подписал предложенный ему Манифест, в котором среди прочих свобод была дарована и свобода печати.

Арцыбушев, воспользовавшись ситуацией, немедленно подал в Цензурный комитет заявление, в котором, ссылаясь на высочайший Манифест, просил возобновить выход приостановленного «Зрителя». А. Г. Булыгин, в свою очередь ссылаясь на тот же Манифест, сам просил Сенат закрыть начатое им против журнала дело. И Сенат это дело прекращает. Арцыбушев торжествует. 30 октября 1905 г. с очередного восемнадцатого номера «Зритель» возобновился, объявив себя журналом «политико-общественной сатиры».

Наступили дни свободы. Газетчиков, продававших революционные листки, не тащили в участки. Даже сами приставы покупали ранее запрещенные листки. Художники сатириче-

ских журналов запечатлели этот момент в рисунках «Зрителя», а позднее на страницах «Пулемета» и других журналов.

Однако дарованные свободы продолжались недолго. «Зритель», руководствуясь объявленной свободой, сделал попытку обходиться без цензорской указки – № 18, 19 были отпечатаны без представления в цензуру. Тем не менее нападки цензоров не прекращались. В результате № 24, вышедший 4 декабря 1905 г., был конфискован за ряд публикаций и комментарии к рисунку: стихотворения «Экспромт» (подпись «Маститый», с. 4), «Митинг» (подпись «Уж»¹², с. 8), «Так болтали в кофейнях Багдада...»¹³ (подпись «Ал. Гидони»¹⁴, с. 3), «Сомнение» (подпись «Сомневающийся»¹⁵, с. 8), «Сказку о тульских правшах и о золотой блохе» (подпись «Термидор», с. 6), сказку «Поучение детям» (подпись «Н. И. Мюр», с. 6), «Письмо в редакцию» (подпись «Абиссинец Василий Гогенцоллерн», с. 11), поговорку «Царский манифест – для известных мест» (подпись «Уж», с. 6), комментарии под рисунком «Слухи» (подпись «Хроникер», с. 5).

Вместо запрещенного «Зрителя» подписчикам был предложен взамен пробный номер под заголовком «Великая Москва». Таким же хитрым приемом удалось в 1906 г. выпустить еще два номера «Зрителя» под заголовком «Журнал», где на последней его странице размещалось объявление о журнале «Зритель». На втором номере этот псевдо-«Зритель» был также закрыт. Номер конфисковали, а его редактора Г. Е. Гинца выслали из Петербурга. Вместо «Зрителя» тем же составом сотрудников стал издаваться журнал «Маски».

Один за другим в бой с поднимавшей голову реакцией вступали другие сатирические журналы. Почти в один день, 13 ноября 1905 г., вышли «Пулемет» Н. Г. Шебуева и «Сигнал» К. И. Чуковского. Теперь на страницах сатирических журналов вместо системы намеков и недомолвок, хитроумного и двусмысленного эзопова языка в ход был пущен язык прямых политических обличений, откровенных лозунгов и призывов. Работавший корреспондентом английских новостей в ежемесячнике «Русское богатство» русский публицист, этнограф, беллетрист Исаак Владимирович Шкловский (Шкловский Исаак Вульфович, псевдоним Дионео, 1864–1935), вернувшись в 1905 г. из Лондона в Санкт-Петербург, сразу обратил внимание на

резкую перемену, которая произошла за время его отсутствия на родине: «В несколько недель публицисты отделились от рабьего языка и от сноровки говорить намеками. Все сатирические листки, без исключения почти, ультра-радикальны. Они знаменуют, что общественное течение круто изменилось. В разносчиках, выкликающих газеты, я вижу тоже новый тип. Теперь это – русские преемники тех английских разносчиков, которые в сороковых годах принимали такое деятельное и сознательное участие в борьбе за демократическую бесштемпельную печать»¹⁶.

Петербургский журналист Н. Шебуев и молодой художник И. Грабовский на свой страх и риск стали издавать сатирический журнал «Пулемет». Первый номер журнала вызвал гнев правительства: на обложке был помещен весь высочайший Манифест 17 октября, а поверх текста припечатана окровавленная ладонь, с подписью: «К сему листу Свиты Его Величества Генерал-Майор Трепов руку приложил». В номере также была помещена статья Шебуева «О марсельезе».

Успех журнала был исключительный. По свидетельству очевидцев, первый номер «Пулемета» распродали моментально. Если кто-либо не успел ознакомиться с журналом, посылал скорее на улицу за ним или сам спешно направлялся к газетчику. После полудня уже трудно было получить этот журнал – все номера были раскуплены. Полиция конфисковывала экземпляры первого номера у газетчиков, а те прятали его по своим квартирам или по ближайшим к месту их торговли лавкам. За продажу экземпляра журнала предприимчивые разносчики подняли цену с обычных пяти копеек до пяти рублей, а то и больше¹⁷. Из воспоминаний М. Л-ского¹⁸: «Мне лично один газетчик, торговавший на углу Невского и Садовой, рассказывал, что, запасшись 13-го рано утром в типографии ста экземплярами “Пулемета”, он в течение недели заработал около 500 рублей. В настоящее время коллекционеры платят за этот номер до 50 рублей»¹⁹.

Первый номер «Пулемета» был просмотрен самим Николаем II и вызвал крайнее раздражение уязвленного монарха. Министр внутренних дел П. Н. Дурново, узнавший о содержании номера лишь после того как журнал побывал в руках царя, был вызван во дворец и получил

выговор в самой резкой форме. Той же ночью министр отдал срочный приказ о конфискации номера и аресте Н. Шебуева. В срочном порядке в воскресенье, 13 ноября, в типографию «Труд», где был отпечатан «оппозиционный» номер, прибыл старший инспектор типографий вместе с участковым приставом и понятыми. Явившиеся предъявили владельцу типографии бумагу, в которой петербургский градоначальник, на основании распоряжения министра внутренних дел П. Н. Дурново, приказал закрыть типографию. Срочной телефонограммой градоначальник предписал приставам конфисковать журнал у газетчиков²⁰. В ту же ночь был арестован Н. Шебуев. Однако, не просидев и двух суток, после протеста депутации журналистов, посетившей петербургского прокурора П. К. Камышанского, издатель был выпущен из тюрьмы под залог в 10 000 рублей. Во время заседания судебной палаты Н. Шебуеву был вынесен приговор к заключению в крепости на один год²¹.

Тем временем редакторы и типографы требовали от правительства снять запрет на деятельность типографии «Труд», пригрозив забастовкой. Вскоре типография возобновила свою работу, там же был напечатан второй номер «Пулемета». Этот номер поместил статью Н. Шебуева «Они. (Писано в тюрьме)», в которой автор откровенно глумился над действиями правительства, закрывшего журнал. Издатель Н. Шебуев снова оказался в тюрьме, где продолжал работу – составлял тексты для очередных номеров «Пулемета», которые через жену передавал на волю. Статьи с его подписью регулярно публиковались в выходивших номерах журнала.

Согласно Манифесту 17 октября, в журналах допускалось публиковать карикатуры, однако особым распоряжением всем редакторам периодических изданий было вменено представлять все, без исключения, рисунки в Цензурный комитет как бы «для ознакомления». В тех случаях, когда у цензуры не было претензий, на рисунке ставился штампель Комитета. Если рисунок вызывал подозрение в своей аполитичности, в Комитет вызывался редактор журнала, ему предлагалось подать заявление с просьбой вернуть этот рисунок как «ошибочно представленный». За эту «ошибку» нужно было заплатить небольшой штраф художнику

и издателю, изготовившему клише, которое по тем временам стоило довольно дорого²².

Журналисты и редакторы периодически привлекались к судебной ответственности, а суд часто выносил оправдательные приговоры, не входя в их деятельность достаточного состава преступления²³. «Кресты» стали чем-то вроде клуба журналистов: «Встречавшиеся ежедневно на прогулках, они умудрялись знакомиться друг с другом, и их вынужденный досуг, которого так мало было в обычной журнальной работе, шел на углубление и расширение своего политического мирозерцания. Мелочи жизни, так удручавшие вне тюрьмы, сюда не проникали, и, когда прошел год, заключенные вышли из тюрьмы такими же, как в нее вошли»²⁴.

Только с 15 декабря 1905 г. по 25 января 1906 г. в различных городах России было закрыто 78 периодических изданий и арестовано 58 редакторов²⁵.

Объектом критики в сатирических журналах были Николай II, члены царской фамилии, Кабинета Министров, представители духовенства, армейских чиновников, а также главный оплот самодержавия – солдаты и казаки²⁶. Как отрицательные персонажи они фигурируют в первых номерах «Зрителя», «Пулемета» и других журналов. В журнале «Паяц», например, казак с шашкой и револьвером накидывается на крохотного, сидящего на горшке ребенка²⁷. Третий номер этого журнала (1906 г.) был конфискован по требованию цензуры, издание закрыли, а подписавший этот номер редактор Б. К. Грюнберг-Вальгис 10 марта 1906 г. был осужден и заключен в крепость на 6 месяцев. Вместо журнала «Паяц» стали выходить «Паяцы».

Гнев цензуры вызвала публикация «Минць-Бринць-Дринць» за подписью «Жданскій» в сатирическом журнале «Молот»²⁸. Цензор вступился за честь оклеветанного мундира, возбудив преследование против этого журнала²⁹. В повествовании говорится о карьере «бурбона», офицера-пажа. Вот ее главные этапы: «Довольно учиться! Науки к черту!.. Он выйдет в офицеры. Денщик, рота, команда, в зубы! “Смирррно!” Это уже звучит гордо... Розданы боевые патроны... “На внутреннего врага, ребята, пойдете!.. Стрелять, не “жалая патронов”! Прямо в окна!..»³⁰

Сатирические журналы 1905–1907 гг. внесли значительное разнообразие в жанр карикатуры – карикатуры намека, понятного зрителю, но вместе с тем зашифрованного настолько искусно, что цензура не получала формального повода запретить публикацию рисунка. Для графики этого периода характерна карикатура-аллегория³¹. Примером могут служить рисунки С. В. Чехонина в «Зрителе», где царские сановники представлены в виде животных: обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев – в образе жабы, министр внутренних дел П. Н. Дурново – свиньи. Если в произведении упоминалось о грязной скотине или любителе овса, читатель догадывался, что речь идет о Дурново. На обложке журнала «Маски» (1906, № 3) помещен рисунок с подписью «Суд скорый, но немилостивый, или интересное представление»: художник изобразил палачей, усмехающихся и подводящих к виселице скорчившегося от ужаса мужика, и группу людей разных сословий, для которых казнь не более, чем интересное представление: врач следит по часам за скоростью процесса, дама с любопытством смотрит в лорнет, офицер меланхолично курит, писатель, с кипой рукописей под мышкой, льет лицемерные слезы, священник благословляет казнь. Одновременно забавны и отвратительны лица трех ребятишек, стоящих впереди этой группы³². Цензура увидела в этом рисунке оскорбление казаков и церковного служителя, выступающих в роли палачей, и наложила на этот номер арест.

Аллегорический образ Николая II в карикатурах сатирических журналов связан с изображением мальчика с шишкой на голове³³. Примером может быть «Зритель» (1905, № 23, с. 2), где помещена виньетка С. В. Чехонина со следующим сюжетом: мальчик с шишкой тянется к банкиру, сидящему «по горло» среди золотых монет. Под виньеткой стихотворение о катастрофическом падении государственной ренты, подписано «Банкирь»³⁴.

Особенный успех имела заставка Чехонина в развороте «Зрителя» (1905, № 10, с. 8–9), выполненная в виде узкой рамки. В ней изображены, предположительно, Александр III³⁵, Иоанн Кронштадтский³⁶, члены правительства К. П. Победоносцев, И. Л. Горемыкин, русский военный деятель, генерал-майор Н. В. Скрыдлов и др. Среди этой толпы «путается» маленький рахитичный мальчик с шишкой на голове³⁷.

Намек на Николая II был помещен в объявлении, размещенном в журнале «Пламя» (1905, № 3, с. 10). Анонимный автор обыграл историю, связанную с шишкой на голове у царя: «Членами археологического комитета недавно были произведены в центральной России любопытные раскопки, при чем найдены: ноздря Пугачева, две лапы (какой-то птицы), которые держали 137 миллионов душ свыше тысячи лет и *фиолетовая шишка, поставившая в тупик все лучшие умы России*».

На обложке журнала «Маски» (1906, № 1) появился рисунок С. В. Чехонина «Червонный туз, или пламенеющее сердце свободы», где был изображен человек с кривыми ногами и огромным сердцем (червонным тузом) вместо головы. Его царская мантия ниспадает на землю, залитую кровью. «Пламенеющее» сердце выглядит как дутая фальшивая карта. Так символически автор рисунка обыграл слова царя, произнесенные по поводу событий 9 января, когда Николай II выразил лицемерное сожаление о случившемся, заявив, что его сердце тоже облилось кровью.

В сатирических журналах 1905–1907 гг. зародился совершенно новый жанр политической графики, который условно можно назвать «героический портрет-символ»³⁸. В качестве примеров можно привести рисунок Н. И. Шестопалова «Соратники» («Зритель», 1905, № 24), изображающий солдата, крестьянина, рабочего и матроса, рисунки И. М. Грабовского на обложках «Пулемета» (1905, № 1–3). В первом номере художник поместил рисунок «Долой!..», где изображен оратор, стоящий у трибуны. Во втором номере – образ пролетария с подписью к рисунку: «Его рабочее величество пролетарий Всероссийский», в третьем номере герой художника – матрос. Под рисунком подпись: «Русская свобода родилась на море».

В политической графике сатирических журналов участвовали и молодые художники, бывшие в то время, как и И. М. Грабовский, студентами Академии художеств. Это И. И. Бродский, помещавший свои рисунки (как правило, подписывал их инициалами) в журналах «Пламя», «Леший», «Светаёт». В журнале «Пламя» (1905, № 1) – его рисунок с подписью: «Русский патриотизм меняет квартиру». Более реалистичные по жанру рисунки Н. Н. Герардова в журнале «Молот» (1906, № 2)³⁹, издаваемом самим художником.

Нередко художники использовали в качестве исходного момента для композиции карикатур популярные картины знаменитых мастеров. Этот прием, который можно считать каноническим, условно обозначен как прием «замены»⁴⁰. Особенно часто такими объектами сатирической замены являлись картины И. Е. Репина. Для примера – карикатура на обложке журнала «Заноза» (1906, № 8), где изображена пародия на картину Репина «Не ждали»: в проеме дверей стоят пристав, околоточный, за плечом которого виден сыщик. За столом сидит группа революционеров, встревоженных неожидан-

ным появлением незваных гостей. Рисунок с подписью: «“Не-ждали” по Репину».

В сатирических журналах 1905–1907 гг. чаще всего на первый план выходила карикатура, рисунок, а текст только дополнял рисунки. Поэтому участие в этих журналах художников объединения «Мир искусства»⁴¹ создавало успех этим изданиям.

Вошедшие в данный выпуск факсимильного издания сатирические журналы содержат обширный фактический материал литераторов и художников-карикатуристов, что делает его, спустя столетие, особенно ценным для современников.

*
*
*

Справочно-библиографический аппарат факсимильного издания представлен аннотированным библиографическим указателем изданий и именованным указателем редакторов и издателей.

В указатель изданий вошли библиографические описания, расположенные в алфавитном порядке. Каждая запись состоит из библиографического описания издания в целом, сделанного на основании самого раннего номера, имеющегося в коллекции, а также с использованием библиографических источников, в частности, указателей Л. Беляевой «Библиография периодических изданий России, 1901–1916» (Л., 1958–1961) и Н. Смирнова-Сокольского «Моя библиотека» (М., 1969). Далее приводятся сведения о конкретных экземплярах из фонда ЦНБ НАН Беларуси с указанием их особенностей (наличие штампов, печатей, дефектность и пр.).

Библиографические записи составлены в соответствии с правилами, предусмотренными ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», ГОСТ 7.80–2000 «Библиографическая запись. Заголовок», ГОСТ 7.12–1993 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке».

Помимо библиографических описаний, указатель содержит аннотации, в которых приво-

дится дополнительная информация об изданиях – сведения о всех вышедших номерах, цензурных преследованиях с указанием шифра цензурного дела, находящегося в архиве бывшего Главного управления по делам печати⁴², изменениях названия, смены редакционного состава и пр., а также имена авторов и художников, сотрудничавших с журналами.

Именной указатель редакторов и издателей содержит фамилии и псевдонимы редакторов и издателей сатирических журналов, отраженных в настоящем выпуске. Сведения приводятся в следующем порядке: фамилия, имя, отчество (или инициалы), род деятельности, порядковый номер журнала (согласно библиографическому указателю), содержащего упоминание данного лица.

Псевдонимы приводятся по исследованию И. Масанова «Словарь псевдонимов русских писателей и ученых» (М., 1936–1949).

Факсимильное издание рассчитано на широкую читательскую аудиторию, которая интересуется историей, культурой, литературой. Оно будет полезно для выполнения различных исторических, культурологических исследований, а также для выявления и обобщения краеведческой информации.

¹ Русская сатира первой революции, 1905–1906 / сост. В. Боцяновский, Э. Голлербах. Л., 1925. С. 18.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Дреколье – дубины, палки, колья, обычно употребляемые в качестве оружия.

⁵ Русская сатира... С. 19.

⁶ Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) – Санкт-Петербургский генерал-губернатор. Назначен на эту должность после событий 9 января 1905 г. высочайшим приказом от 11 января 1905 г. (как свидетельствует граф С. Ю. Витте, должность была учреждена для Трепова в условиях начавшейся революционной смуты, по протекции его сослуживца по кавалерии министра Двора барона Фредерикса, с весьма широкими полномочиями).

⁷ Русская сатира... С. 24.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) – государственный деятель Российской империи, министр внутренних дел (январь–октябрь 1905).

¹¹ Русская сатира... С. 29.

¹² Лихачев Владимир Сергеевич – псевдонимы «Маститый», «Уж» (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей и ученых : в 3 т. М. ; Л., 1936–1949. Т. 1. 1936. С. 479; Т. 2–3. 1949. С. 443).

¹³ Стихотворение «Так болтали в кофейнях Багдада...» посвящено дяде Николая II – великому князю Владимиру Александровичу Романову (1847–1909, *Влади-Эмир*). Будучи президентом Академии художеств, великий князь подозревался в растрате государственных средств, отпущенных на постройку храма в Петербурге (церковь предполагалось построить на месте убийства Александра II). Из-за этой растраты постройка церкви, начатая в спешном порядке по приказу Александра III, затянулась на очень долгое время. Об этом факте идет речь в повествовании. «*Однажды в Неджеде убит был имам*», – речь идет об убийстве Александра II 1 марта 1881 г. в Петербурге народо-вольцем И. И. Гриневицким. *Неджед* – правильно Неджаф – город на юге Ирака, место паломничества мусульман. *Имам* – верховный правитель в мусульманских государствах. «*Тринадцать процарствовав лет... покинул Неджед Брат Влади-Эмира*», – речь идет об императоре Александре III. За публикацию этого стихотворения и других материалов автор был подвергнут аресту, а редакторы-издатели привлечены к уголовной ответственности.

¹⁴ Гидони Александр Иосифович (1885–1943?) – русский искусствовед, художественный критик, драматург, прозаик. В начале 1906 г. подвергался тюремному заключению, позже жил в эмиграции в Швейцарии.

¹⁵ Псевдоним В. С. Лихачева (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей... Т. 2–3. С. 378).

¹⁶ Русская сатира... С. 37.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Л-ский М. (Ладвинский М.) – Суперанский Михаил Федорович (1864–1930), историк литературы, биограф И. А. Гончарова, печатался в журнале «Исторический вестник».

¹⁹ Исторический вестник. 1912. № 4. С. 116.

²⁰ Русская сатира... С. 33.

²¹ Там же. С. 34–35.

²² Там же. С. 120.

²³ Так, например, завершилось в Сенате дело о «Зрителе» Ю. Арцыбушева.

²⁴ Русская сатира... С. 120.

²⁵ Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1969. С. 30.

²⁶ Как считают критики, это была явная ошибка редакторов – пропускать в номер материал, обличающий солдат и казаков в том же стиле, как критиковались министры и царь.

²⁷ Паяц. 1906. № 2, 1 янв. – рисунок Б. Вальгиса.

²⁸ Молот. 1906. № 2. С. 6–7.

²⁹ Русская сатира... С. 110.

³⁰ Там же.

³¹ Сидоров А. А. Русская графика начала XX века : очерки, истории и теории. М. : Искусство, 1969. С. 127.

³² Русская сатира... С. 155.

³³ Известная история покушения на Николая II (еще в бытность того цесаревичем) произошла во время его пребывания в Японии (г. Оцу). Этот случай описал русский дипломат, князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921), который сопровождал цесаревича в 1890–1891 гг. во время своего путешествия на Восток на крейсере «Память Азова». «Злодей Тсуца Санцо стоял между охранителями безопасности Августейшего Гостя Японии. Еще поутру он находился на том же месте, но пропустил мимо себя, вероятно, уже намеченную им жертву, не подавая, как выяснилось впоследствии, ни малейших признаков какого-нибудь преступного намерения. Он знал, что Наследник Цесаревич имел проследовать вторично прежним путем. Лишь только джинрикса Его Высочества проехала мимо него, он выскочил из рядов и, обнажив саблю, нанес справа, несколько сзади, между джинрикшей и правым возницей, с размаху и держа саблю обеими руками, удар по голове Цесаревича, Который, обернувшись и видя, что злодей замахивается второй раз, выскочил из коляски на левую сторону улицы. В то же мгновение принц Георгий соскочил со своей джинришки и ударил злодея сзади бамбуковой тросточкой, между тем, как главный (оглобельный) возница Его Высочества с редким хладнокровием и мужеством бросился под ноги полицейского и, схватив их руками, повалил его на землю... Тут же подоспел доктор Рамбах и сделал Его Высочеству крепкую перевязку...», – цитата из книги (см.: Путешествие государя Императора Николая II на Востоке (в 1890–1891) / авт.-изд. Э. Э. Ухтомский. Иллюстрировал Н. Н. Каразин. Ч. 5. СПб. ; Лейпциг : Ф. А. Брокгауз, 1897. С. 41–42). Этот случай стал общезвестным. У В. А. Гиляровского этому факту в биографии царя посвящено стихотворение: Приключением в Оцу/ Опечален царь с царицею. Тяжело читать отцу,/ Что сынок побит полицею... (см.: Русская сатира... С. 72).

³⁴ Русская сатира... С. 73.

³⁵ Александр III – российский император, правивший в 1881–1894 гг., отец Николая II.

³⁶ Иоанн Кронштадтский – Сергиев Иван Ильич (1829–1909), священник Русской Православной Церкви, настоятель Андреевского собора в Кронштадте.

³⁷ Этот номер «Зрителя» был раскуплен моментально. К вечеру газетчики продавали журнал уже по полтора рубля вместо пяти копеек, а кое-где даже по три рубля. В течение месяца номер выдержал четыре издания (см.: Русская сатира... С. 74).

³⁸ Сидоров А. А. Указ. соч. С. 129.

³⁹ В этом номере рисунок Н. Герардова «Баррикада взята» подписан инициалами «Н. Г.».

⁴⁰ Русская сатира... С. 152.

⁴¹ «Мир искусства» (1898–1924) – художественное объединение, сформировавшееся в России в конце 1890-х гг. В объединение входили в разное время чуть ли не все передовые русские художники: Л. Бакст, А. Бенуа, М. Врубель, А. Головин, М. Добужинский, К. Коровин, Е. Лансере, И. Левитан, М. Нестеров, В. Серов, К. Сомов и др.

⁴² Главное управление по делам печати (1865–1917) – высшая цензурная инстанция, образованная Высочайшим указом от 6 апреля 1865 г. при Министерстве внутренних дел для наблюдения за деятельностью цензурных комитетов и отдельных цензоров по внутренней и иностранной цензуре, за бесцензурными изданиями, типографиями и т. д.